

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

РАЗГОВОРЧИКИ

Антон Долин: Я верю, что цензура — это зло

Главный редактор журнала «Искусство кино» — о том, как выстроена схема взаимодействия «государство — искусство — зритель» в России

РИНАТА ХАЙДАРОВА

На минувшей неделе в Фестивальном доме Перми состоялась творческая встреча с главным редактором журнала «Искусство кино» Антоном Долиным. Желающих пообщаться с кинокритиком было много — зал был переполнен, а регистрация на мероприятие была закрыта задолго до его начала. Те же, кто смог прорваться на встречу с Долиным, узнали о том, как он оценивает дело Кириллы Серебренникова, нынешнее положение дел киноиндустрии в России, а также о том, где проходит граница между искусством и шоу-бизнесом.

В начале встречи её модератор Ирина Колесникова предложила поговорить на тему искусства на службе у народа. Это и стало главным предметом обсуждения первой половины вечера.

— Должен ли художник, создавая произведения искусства, учитывать ожидания народа и представителей власти?

— Во-первых, искусство принадлежит народу. Так было всегда и так будет всегда. У нас есть тяжёлое советское наследие — довольно странное искажённое представление о смысле слова «народ». Народ — это только некий «простой народ». Почему простой? Чем он отличается от «непростого»? Неизвестно.

У каждого произведения искусства есть своя аудитория. И эта аудитория и есть народ в рамках этого произведения искусства. Если слово «народ» может заменить слово «зритель», то пусть заменяет. Если нет, то пусть не заменяет. Это вопрос выбора слова. Не более.

Отношения с властями — это сложный, хитроумный вопрос. Буквально сегодня утром читал по-английски огромную статью, в которой пытались рассказать о деле Кириллы Серебренникова. Я просто видел по этому тексту, как автор теряет в поиске понятных его аудитории определений. Но речь шла о России, где одни и те же люди могут обвинять Серебренникова, писать на него доносы и, пока он находится под арестом, идти на премьеру поставленного им балета в Большой театр и вполне от души аплодировать ему. Но я к тому, что во все времена и во всех странах отношения художника и власти были сложные. Потому что искусство очень редко бывало и очень редко бывает окупаемым.

Окупаемым бывает шоу-бизнес. Искусство бывает окупаемым, когда оно становится шоу-бизнесом. Допустим, фильм «Аватар» или «Звёздные войны» — это, безусловно, произведения искусства. Поэтому это хорошо продаётся, может окупаться, кому-то приносить деньги.

Дальше речь зашла о системе поддержки искусства властью. На предположение ведущей о том, что кто платит, того и музыка, Долин категорично заявил, что это ложный посыл. Он добавил, что искусство, по сути, является

сервисом, подобным религии, которому поступает заказ от власти или людей только в моральном ключе: «Сделай мне хорошо, научи меня жить, дай мне испытать красоту».

Во время беседы Антон Долин не раз отмечал: неверно полагать, что люди всегда стремятся к эскапизму и желают видеть только красивую картинку в искусстве.

Антон Долин:

— Как вы думаете, кого больше любят публика? Героинь Джоди Фостер или Ганнибала Лектера, сыгранного Энтони Хопкинсом? Я знаю ответ. Я не проводил никакого опроса, но у меня нет никакого сомнения в этом. Так устроен человек. Он любит говорить, что его привлекает добро и красота, но на самом деле уродство и зло привлекают его ничуть не меньше.

Отвечая на вопрос о том, где проходит граница между искусством и шоу-бизнесом, Антон Долин отметил, что этой границы не существует. То, что мы считаем искусством, зависит лишь от персонального уровня снобизма.

Антон Долин:

— Кто-то скажет, что искусство — это только Шёнберг, а Верди и Пуччини — это не искусство. Кто-то скажет, что искусство — это опера, а поп-, рок-музыка — это не искусство. Кто-то скажет, что The Beatles и Deep Purple всё-таки искусство, но вот Faith No More уже нет. И дальше мы будем спускаться сколько угодно по этой шкале, пока не дойдём до каких-то самых низких уровней. Это будут школьные рок-коллективы или поп-коллективы, подражающие Стасу Михайлову. Будет это искусством или нет? Ну кто судья? Есть потребитель — значит, есть искусство. Если чью-то машину желаний это может запустить — значит, искусство.

— Есть ли какая-то идеальная схема взаимодействия в уравнении «власть и искусство»?

— Идеальная схема такая: культура и образование и вообще гуманитарная сфера получают финансирование от государства, которое не требует никогда и ни от кого деньги взамен. Государство финансирует то искусство, которое не заявляет себя как коммерческое. При этом оно разрабатывает схему для равного финансирования всех, разрабатывает систему критериев и созда-

ФОТО КОНСТАНТИН ДОЛГАНОВСКИЙ

ёт экспертный комитет, который будет помогать этому распределению. Туда не должны входить люди некомпетентные, то есть, например, чиновники.

У нас же смешная система поддержки кино. Она так устроена, что люди заботятся только о русском кино. Они не думают, что есть ещё другие фильмы и другие зрители. Они не заботятся о прокатчиках, о системе, о кинообразовании, а заботятся только о том, чтобы помогать русским фильмам. А они не в вакууме существуют.

Когда мне задают вопрос, отчего в России так не любят русское кино, я отвечаю: «Не потому, что оно плохое, а потому, что нас пытаются заставить его смотреть и любить». Никому не нравится, когда его заставляют делать то, что, по идее, человек должен делать в своё удовольствие.

В целом Долин положительно отзывался о состоянии киноиндустрии России (речь идёт о коммерческом кино, в частности, этого года). Детский фильм «Последний богатырь», рассказал кинокритик, стал самым кассовым популярным русским фильмом за всю историю новейшей России. Фильм Фёдора Бондарчука «Притяжение», который многие сравнивают с а-ля голливудским фильмом про инопланетян, на деле заслуживает большего уважения. Долин заметил, что этот фильм стоил \$5 млн, которые по голливудским меркам имеют мизерный вес. Отметил критик и такие фильмы, как «Большой», «Салют-7», «Матильда». На замечание Долина о том, что Фонд кино, где он является членом экспертного совета, не поддержал проект фильма «Крым», в зале раздались редкие, но бурные овации.

— Каково ваше искреннее отношение к таким фильмам, как «Сербский фильм», «Человеческая многоножка»? Они имеют право на существование?

— Право на существование имеет любое кино. Я верю в то, что цензура —

это зло. Любые фильмы должны существовать и показываться. Даже если это фильмы порнографические. Ужасно было бы запретить порно: оно согревает такое количество людей. Просто каждый фильм должен иметь возрастное ограничение. И перед просмотром какого-нибудь страшного фильма ужасов или триллера с поеданием экскрементов должно быть предупреждение. И всё. Даже возрастной маркировки хватает, на мой взгляд.

К обсуждению дела режиссёра Кириллы Серебренникова, упомянутого Антоном Долиным в начале встречи, вернулся в завершение беседы со слушателями.

Антон Долин:

— История Серебренникова прочитывается культурным сообществом как послание власти. И послание это считается тоже однозначно: получаешь деньги из бюджета — не выпендривайся. Что именно под этим «не выпендривайся» имеется в виду: не будь чересчур авангардным, не ходи на митинги на Болотную, не используй голые тела и нецензурную лексику в своих спектаклях, фильмах, инсталляциях.

Я считаю, что путинский период характеризуется показательными процессами, инициированными или поддержанными властью. Дело Серебренникова — это отчётливый месседж деятелям и потребителям культуры. Пока что это не сообщение о том, что любая культура, если она протестна, независима, авангардна, является опасной для власти и будет ею раздавлена. Речь не об этом. Не случайно же его пытаются отхлестать деньгами, которые он получал. Говорится так: если ты от нас кормишься, будь на коротком поводке. Сам. Добровольно. Не жди, пока мы тебе пришлём директивы, какие спектакли ставить и какие фильмы снимать. Просто будь умнее.

Я думаю, что каждый деятель культуры, получающий какие-то деньги, в особенности в России, сейчас живёт с мыслью, что он идёт по минному полю.